

УЧАСТИЕ УКРАИНСКИХ АРХИЕРЕЕВ В ДЕЛАХ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1925–1937 ГГ.¹

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР МАЗЫРИН

В статье рассматриваются различные, в основном нелегальные, проявления участия архиереев Украины в делах высшего церковного управления при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре (Полянском) и его заместителях митрополите Сергии (Страгородском) и архиепископе Серафиме (Самойловиче). Материалы статьи показывают, что степень вовлеченности украинских епископов в общецерковные дела была весьма высока, а в отдельных эпизодах им и вовсе принадлежала решающая роль в развитии событий.

В новейшей истории Русской Православной Церкви можно выделить период особого влияния украинских архиереев на ход общецерковных дел — это время, наступившее после кончины св. Патриарха Тихона, при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре (Полянском) и его заместителях. В отдельные моменты, например, в 1926 г., «украинский фактор» становился даже, до некоторой степени, определяющим в развитии событий. Нельзя сказать, что в существующей церковно-исторической литературе это обстоятельство оценено должным образом. В предлагаемой статье делается попытка систематизировать сведения об участии украинских иерархов в делах высшего управления Русской Православной Церкви во второй половине 1920-х — 1930-е гг. и оценить их роль в важнейших событиях церковной жизни того времени.

Большая вовлеченность в дела церковного центра епископов Украины в середине 1920-х гг. не в последнюю очередь объяснялась тем, что многие из них тогда были в административном порядке высланы местными украинскими властями в Москву (в те годы такая странная мера наказания практиковалась весьма активно). К осени 1925 г. в Москве находились Экзарх Украины митрополит (титულлярно «Гродненский») Михаил (Ермаков), архиепископы Черниговский Пахомий (Кедров) и Херсонский Прокопий (Титов), епископы Винницкий Амвро-

¹ Расширенный вариант доклада, сделанного на секции «Единство Церкви — единство народов» конференции «Патриарший визит в Украину: отвечая на вызовы времени» (Киев, 19–20 ноября 2009 г.). Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 07-01-00180а.

сий (Полянский), Ананьевский Парфений (Брянских) и Глуховский Дамаскин (Цедрик). Число православных украинских епископов в Москве стало сопоставимым с их числом на самой Украине. Местом пребывания большинства украинских епископов в Москве был Данилов монастырь, со времени возникновения обновленчества славившийся своей твердостью в Православии. Вообще же в столице стараниями ОГПУ было сосредоточено тогда около шестидесяти епископов Патриаршей Церкви. Возможно, украинские архиереи в таком внушительном собрании и не были бы заметны, если бы не выделялись своим высоким авторитетом в церковных кругах. Это признавал — что особенно важно — и сам Патриарший Местоблюститель митрополит Петр. Позднее, в январе 1926 г., митрополит Петр показал на допросе: «Что касается епископов, с мнением которых я считался особенно, то это: Николай Добронравов, Пахомий, Прокопий, Амвросий и другие»². Видно, что из четырех архиереев, которым Местоблюститель особенно доверял, трое были украинскими (четвертый — архиепископ Николай — занимал Владимиро-Суздальскую кафедру).

Влияние, которое оказывали на Местоблюстителя украинские епископы-«даниловцы», шло в русле сопротивления давлению со стороны богоборческой власти в лице ОГПУ. Власть пыталась навязать митрополиту Петру кабальные условия легализации высшего управления Патриаршей Церкви (в отличие от обновленческого, оно не было легализовано), его подконтрольность советским органам госбезопасности, борьбу с политическими противниками большевистского режима (зарубежными и внутренними) среди «церковников» и т. д. «Даниловцы» убеждали Местоблюстителя не идти на уступки власти, унижающие Церковь. В этом их поддерживали и другие церковные деятели, в частности бывший обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер (Десятковский). Позднее (в марте 1926 г.) В. К. Саблер показал: «Помню, например, что через [архи]епископа Прокопия я посоветовал Петру воздержаться от легализации церкви, связанной с такими доказательствами лояльности по отношению к Соввласти, как суд над заграничными эмигрантскими церковниками (за их контрреволюционную деятельность)»³. Митрополит Петр вполне принимал подобного рода советы и превращать себя в орудие большевиков по борьбе с «церковной контрреволюцией» не давал. Разумеется, такая позиция Местоблюстителя и близких ему иерархов крайне раздражала власть. В результате, проуправляв Русской Православной Церковью всего лишь восемь месяцев, митрополит Петр в декабре 1925 г. был арестован. С ним были арестованы и все украинские иерархи, находившиеся тогда в Москве.

С арестом Патриаршего Местоблюстителя Православная Российская Церковь не оказалась обезглавленной, поскольку за несколько дней до своего устранения митрополит Петр успел назначить себе заместителей, первым из которых был указан митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Его вступление в управление Церковью происходило в крайне тяжелой обстановке. Ситуация принципиально отличалась от той, в которой восемь месяцами ранее происходило вступление в должность Патриаршего Местоблюстителя митропо-

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 123.

³ Там же. Т. 5. Л. 213.

лита Петра. Тогда утверждение нового Предстоятеля Русской Церкви было со-
провождено подписанием специального акта почти шестьюдесятью архиереями,
скрепившими тем самым волю почившего Патриарха. В свою очередь, святитель
Тихон получил санкцию (точнее, даже поручение) на такое волеизъявление от
Поместного Собора 1917–1918 гг. Митрополит Сергей, лишенный ко всему проче-
му права выезда из Нижнего Новгорода, имел на руках лишь завещательное
распоряжение митрополита Петра, с содержанием которого только предстояло
ознакомить широкие слои епископата и получить от них признание своих пол-
номочий. Это при том, что прецедентов исполнения обязанностей Первоиерар-
ха вне Москвы с 1917 г. еще не было, а в самой столице в бывших покоях Пат-
риарха Тихона в Донском монастыре при закулисной поддержке ОГПУ в то же
самое время самочинно организовался и быстро был легализован альтернатив-
ный орган высшей церковной власти — так называемый «Высший Временный
Церковный Совет» (ВВЦС) во главе с архиепископом Свердловским Григорием
(Яцковским). По имени архиепископа Григория новый раскол получил наиме-
нование григорианского. В этот критический момент решающую поддержку
митрополиту Сергию оказали именно украинские архиереи.

В Москве, как было сказано, арестовали тогда всех украинских иерархов, но
на территории самой советской Украины к концу 1925 г. еще оставалось более
десяти православных епископов, по большей части сосредоточенных в ее сто-
лице — Харькове. Ситуация там была не менее сложной, чем в центре. Летом
1925 г. на националистической почве оформился очередной раскол во главе с
викарием Полтавской епархии епископом Лубенским Феофилом (Булдовским),
с которым православные архиереи повели решительную борьбу. Самым актив-
ным противником новоявленного лубенского раскола стал незадолго до того хи-
ротонисанный во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии, Преос-
вященный Василий (Зеленцов), бывший член Поместного Собора 1917–1918 гг.
от мирян. Благодаря энергичным действиям епископа Василия и его помощни-
ков к декабрю 1925 г. на свет появился подписанный двенадцатью украинскими
епископами акт о лишении сана епископа Феофила и об отлучении от Церкви
его и других лубенских расколуучителей. Тогда же православные украинские ар-
хиереи обратились в Москву к Экзарху Украины за поддержкой⁴.

Митрополит Михаил тем временем после ряда вызовов на допросы по делу
митрополита Петра был в конце декабря 1925 г. отпущен под подписку о невы-
езде из Москвы⁵. Григориане пытались вовлечь его в свой самочинный ВВЦС,
причем чуть ли не в качестве председателя. Об этом писал в 1927 г. епископ Борис
(Рукин) — второй человек в расколе после архиепископа Григория: «Епископы
сначала обратились к митрополиту Киевскому Михаилу, но тот отклонил от себя
возбуждение ходатайства пред Гражданской Властью о разрешении собрания и
об устройении самого собрания Епископов»⁶. Надо заметить, что *Киевским* мит-

⁴ См. : *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 368–369.

⁵ См. : ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 46.

⁶ *Борис (Рукин), еп.* О современном положении Русской Православной Патриаршей Цер-
кви. М., 1927. С. 4.

рополит Михаил тогда еще утвержден не был⁷. Глядя на ту титулатуру, которую использовал епископ Борис, видно, что, если бы Украинский Экзарх принял тогда предложение возглавить ВВЦС, этот новоявленный орган высшей церковной власти не замедлил бы с официальным утверждением его на кафедре Матери городов русских. У Высокопреосвященного Михаила был выбор: либо возглавить новый раскол и стать вполне легальным, но не вполне каноничным митрополитом Киевским, либо присоединиться к гонимым православным епископам Украины в их борьбе с раскольниками-лубенцами, тоже вполне легальными, но совсем не каноничными. Митрополит Михаил выбрал второе. В том же декабре 1925 г. он поддержал акт двенадцати украинских епископов об отлучении Булдовского и компании от Церкви⁸.

В этот момент митрополит Сергей сделал важный ход. 5 января 1926 г. он утвердил постановление тринадцати архиереев Украины о «главарях лубенского раскола»⁹, оказав, с одной стороны, весьма нужную им каноническую поддержку, с другой, продемонстрировав свои собственные полномочия, тогда еще мало кем признанные. «Главари», однако, не успокоились и подали жалобу в ВВЦС, который в пылу борьбы с митрополитом Сергием 8 марта 1926 г. объявил их восстановленными в сани¹⁰, чем навсегда отсек от себя подавляющее большинство православных Украины. Ответ последовал незамедлительно. 12 марта того же года находившиеся в Киеве и Харькове православные епископы направили в Москву Экзарху Украины митрополиту Михаилу донесение по вопросу о мерах канонического воздействия в отношении организаторов ВВЦС: «Настоящим честь имеем почтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству, что мы, нижеподписавшиеся, вполне разделяем мнение Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Вашей Святыни по вопросу о епископах, дерзнувших в декабре 1925 г. нарушить мир церковный и вновь поднявших смуту в январе 1926 г., — узурпаторов власти Патриаршего Местоблюстителя и его канонических преемников. Находим необходимым против нарушителей церковного правопорядка немедленное принятие самых решительных мер»¹¹. Митрополит Михаил без промедления присоединился к этому осуждению ВВЦС¹². Так, в каком-то смысле само собой, произошло размежевание: с одной стороны — православные украинские иерархи во главе с Экзархом митрополитом Михаилом и поддерживающий их Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей, с другой — блокирующиеся друг с другом лубенские и григорианские раскольники.

⁷ См. : Мазырин А., иер. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 118–131.

⁸ См. : Феодосий (Процюк), митр. Указ. соч. С. 369.

⁹ Распоряжение Патриарха Московского и всея Руси об именуемом себя «митрополитом» Феофиле Булдовском // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 4. С. 9.

¹⁰ См. : Феодосий (Процюк), митр. Указ. соч. С. 372–373.

¹¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 445.

¹² См. : Там же. С. 445–446.

Для митрополита Сергия поддержка украинских епископов (как и его для них) была весьма существенна. Особенно ценной для него была помощь выделявшегося своей активностью епископа Василия (Зеленцова). Как бывший член Поместного Собора епископ Василий еще до того, как митрополит Сергей успел вступить в полемику с григорианами, оперативно (4 января 1926 г.) отправил ему рапорт, в котором подробно (хотя и не совсем точно) описал историю поручения Собора Святейшему Тихону в 1918 г. назначить себе заместителей, что Патриарх незамедлительно и сделал¹³. Митрополиту Сергию как раз в тот момент нужно было доказать законность завещательного способа обеспечения преемства высшей церковной власти, и рапорт епископа Василия весьма пригодился ему и в споре с архиепископом Григорием, и в последующей борьбе с теми, кто отвергал его заместительские полномочия. Также Заместителем была взята на вооружение и отработанная епископом Василием в 1925 г. на лубенцах тактика борьбы посредством сбора подписей православных епископов. По разным поводам архиерейские подписи собирались затем весь 1926 год.

Григориане также вынуждены были признать факт оказанной митрополиту Сергию поддержки со стороны епископата, хотя и с приуменьшением. «Сам м[итрополит] Сергей, — писал епископ Борис, — признал явно незаконным свое мероприятие; так, он, чтобы узаконить его, спустя приблизительно месяц или полтора после этого, собирает подписи для оправдания своих действий среди епископов. Из 40 епископов, пребывавших в Москве, такие подписи в разное время дали 15 архиереев, почти все бывшие живоцерковники и один бывший самосвят <...>; нашлись еще 9 украинских»¹⁴. В действительности, число поддержавших (письменно) митрополита Сергия епископов было больше, чем указывал негодующий епископ Борис. Среди них были и раскаявшиеся обновленцы (как и в ВВЦС), но отнюдь не большинство, а про *самосвята* он просто придумал. «Впрочем, было бы несправедливо винить м[итрополита] Сергия одного в его поступках, — «оправдывал» в свою очередь Заместителя архиепископ Григорий. — Как мы видим, у него имеются сообщники, которые его поддерживают, а м[ожет] б[ыть] и руководят, так как он хотя человек и не очень старый, но значительно одряхлевший. Сначала им руководил епископ Старицкий — Петр Зверев <...>, а затем, когда этот деятель успокоился на кафедре Воронежского архиепископа, ему на смену выступили другие, менее крупные, но не менее ретивые сотрудники вроде епископа Прилуцкого Василия Зеленцова — инициатора всяких запрещений на Украине и в Москве»¹⁵.

Выполнявший роль связного между украинскими епископами и в силу этого весьма осведомленный киевлянин Г. А. Косткевич впоследствии в 1931 г. описал в своих показаниях на допросе события конца 1925-го — начала 1926 г. следующим

¹³ См. : Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 65–66; Мазырин А., иер. Поместный Собор 1917–1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. II : История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 4 (29). С. 35–39.

¹⁴ Борис (Ружин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 12.

¹⁵ Православный церковный календарь на 1927 год / Под ред. архиеп. Григория (Яцковского). [М., 1926.] С. 24.

образом: «С декабря 1925 г. возникший спор из-за власти между м[итрополитом] Сергием Страгородским и ВВЦС явился первым эпизодом, в котором организация, и в частности ее украинские группировки оказали решающее влияние на ход событий. Оценивая ВВЦС как группировку, взявшую курс на соглашение с соввластью, организация приложила все усилия и все свое влияние, дабы решить этот спор в пользу м[итрополита] Сергия. С этой целью всеукраинский центр в Харькове составил ряд обращений к м[итрополиту] Сергию, требуя от него решительной борьбы с ВВЦС, наложения на его участников церковных запрещений и выражая ему полную поддержку и доверие. Эти обращения, подписанные членами центра, епископами в Харькове, были затем привезены специальным курьером св[ященником] Пискановским в Полтаву, Киев и Житомир, в каковых городах Пискановский собирал подписи епископов под этим обращением. Затем он уехал в Москву и Нижний Новгород к м[итрополиту] Сергию. На обратном пути он же привозил информацию о ходе событий.

Поездки его были строго конспиративны, средства на них он получал из Харьковского центра, а также епископы и др. городов вносили непосредственно ему деньги по предложению всеукраинского центра. Одновременно по почте из Харькова, из центра получалась рукописная литература, направленная против ВВЦС. <...> Литература эта состояла из анонимных обращений, посланий, открытых писем, а также из посланий м[итрополита] Сергия и его переписки с лидерами ВВЦС. Содержание ее и цель сводились к дискредитации ВВЦС и к достижению, таким образом, всеобщей поддержки м[итрополита] Сергия»¹⁶.

К весне 1926 г. григорианский раскол в России и лубенский на Украине были локализованы. Раскольники, за которыми стояла власть, могли бы захватить гораздо более сильные позиции, но благодаря взаимной поддержке Заместителя Местоблюстителя и православных украинских епископов этого не произошло. Однако лубенско-григорианской интригой арсенал антицерковных провокаций ОГПУ не исчерпывался. Наступал черед следующей коллизии, главным действующим лицом которой должен был стать митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский).

В отличие от григорианского ВВЦС митрополит Агафангел, старейший на тот момент по сану и хиротонии иерарх Русской Православной Церкви, имел законные права на высшую церковную власть: он был указан вторым кандидатом в Местоблюстители еще Патриархом Тихоном в январе 1925 г. Однако обстоятельства его возвращения из ссылки (после переговоров с начальником 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучковым) и поспешное объявление себя Местоблюстителем в апреле 1926 г. насторожили епископат. Вскоре и митрополит Сергей объявил, что не может отказаться от своих обязанностей по управлению Церковью, поскольку на это не было изволения митрополита Петра, который хотя фактически и был отстранен от дел, но никаким церковным судом своего местоблюстительского титула не лишен.

И снова, как и в истории с григорианами, митрополита Сергия поддержали в первую очередь православные архиереи Украины, в том числе наиболее активный

¹⁶ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 71 об. — 74. Автор благодарит своего коллегу А. Н. Сухорукова за предоставление текста документа.

из них в тот момент — епископ Василий (Зеленцов). 6 мая 1926 г. он обратился к митрополиту Агафангелу с открытым письмом, содержащим протест против его действий. К письму епископа Василия, по некоторым данным, присоединилось пятнадцать иерархов¹⁷. По всей видимости, именно об открытом письме епископа Василия писал протоиерей Михаил Польский: «Группа епископов открыто и безбоязненно писала м[итрополиту] Агафангелу, что она опасается, не стал ли он сам “жертвой специальной обработки от недругов Православной Церкви, когда епископа изолируют от других, пропускают к нему сведения своего освящения и наталкивают его на действия, вредные для Церкви, хотя он и желал принести ими только пользу”»¹⁸. Письмо с Украины Ярославскому митрополиту доставил 19 мая священник Николай Пискановский, сыгравший вообще весьма важную роль во всех тех событиях. Вскоре после этого он составил документ под названием «Интервью с митрополитом Агафангелом», в котором описал свои встречи (их было несколько) с ярославским претендентом на местоблюстительство. «Интервью» начиналось с сообщения украинского посланника о том, что он «привез частное письмо еп[ископа] Василия Прилукского с решением православных епископов Украины»: «Православные епископы Украины признают м[итрополита] Петра Патриаршим Местоблюстителем, а Ваше Высокопреосвященство просят оставить свое начинание»¹⁹. На митрополита Агафангела такое заявление произвело немалое впечатление, и хотя украинский гонец излишней тактичностью, как видно, не отличался, старейший иерарх попытался подробно изложить ему свое видение ситуации, результатом чего и стало появление на свет указанного «Интервью» с ним.

В ходе развернувшейся затем полемики двух митрополитов — Сергия и Агафангела — именно посланник украинских епископов священник Николай Пискановский выступил в роли курьера между ними. 17 июня 1926 г. он доставил митрополиту Агафангелу письмо митрополита Сергия с ультимативным требованием отказаться от своих притязаний на местоблюстительство. «Я земно поклонился, — описывал автор «Интервью» ту встречу с Ярославским митрополитом, — и просил м[итрополита] А[гафангела], чтобы для блага Церкви он послал м[итрополиту] С[ергию] свой отказ от Местоблюстительства. Он на это ответил: “Вы полагаете, в этом будет благо для Церкви, если я откажусь? Вспомните мое слово, что это не ко благу Церкви...”» Однако, несмотря на сомнения, вечером того же дня митрополит Агафангел вручил гонцу ответ. «Да, меня обошли, — сказал он, — я не знал положения Церкви и настроения масс... Я отказываюсь от Местоблюстительства и пишу об этом м[итрополиту] Сергию; прошу дать мне расписку». «По его требованию, — заканчивал свое описание священник Николай Пискановский, — я дал расписку и, т. к. конверт был запечатан, то он его

¹⁷ См. : *Регельсон Л. Л.* Трагедия Русской Церкви: 1917–1945. Париж, 1977. С. 399.

¹⁸ *Польский М., прот.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948. С. 27.

¹⁹ [*Пискановский Н., свящ.*] Интервью с митрополитом Агафангелом / Публ. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II : История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 105. Установить автора документа во время его публикации не удалось, теперь же, благодаря показаниям Г. А. Косткевича, это оказалось возможным.

распечатал и позволил снять копию для Украины. На прощание он сказал, что это только цветочки, а ягодки впереди...»²⁰

Г. А. Косткевич в своих показаниях достаточно подробно описал и события, связанные с митрополитом Агафангелом (следует помнить об обстановке появления этих показаний, она объясняет их политизированное звучание и использование таких выражений как «организация», «контрреволюционная линия»). В частности, Косткевич показал: «В апреле того же 1926 г. повторились явления, аналогичные, в связи с выступлением м[итрополита] Агафангела и новым спором его из-за власти с м[итрополитом] Сергием. <...> Подозревая м[итрополита] Агафангела в стремлении идти на соглашение с Соввластью, организация, очевидно, увидела в его лице снова опасность для проведения к[онтр]р[еволюционной] линии в церковной жизни, которую она все время осуществляла и поэтому вновь, как и при ВВЦС, всеукраинский центр взял на себя инициативу поддержать м[итрополита] Сергия в его борьбе с м[итрополитом] Агафангелом. Снова с рядом обращений, подписанных членами харьковского центра, Пискановский совершил объезд городов Украины — Полтавы, Киева, Житомира и собравши подписи епископов отвез их м[итрополиту] Сергию в Нижний Новгород и м[итрополиту] Агафангелу в Ярославль. <...> Смысл этих бумаг сводился к выражению поддержки м[итрополиту] Сергию и совету ему не останавливаться ни перед чем, налагая прещения на м[итрополита] Агафангела, и в предложении м[итрополиту] Агафангелу отказаться от притязаний на местоблюстительство с выражением ему недоверия. <...>

В итоге этих решительных выступлений организации она добилась того, что влияние ее на церковные события восторжествовало. ВВЦС и м[итрополит] Агафангел сошли со сцены, во главе церк[овно]-админ[истративного] управления утвердился м[итрополит] Сергей, вся последующая политика которого была прямым выражением основного курса организации»²¹.

Противодействие митрополита Сергия более желательным для ОГПУ претендентам на церковную власть не могло пройти даром ему и поддерживавшим его епископам. Летом 1926 г. из Москвы на Северный Кавказ был выслан Экзарх Украины митрополит Михаил, в сентябре того же года в Харькове был арестован неумолимый епископ Василий (Зеленцов), репрессии коснулись и ряда других украинских архиереев. В декабре 1926-го, после неудачной попытки проведения тайных выборов Патриарха (украинские епископы в этом тоже принимали участие) был арестован и сам митрополит Сергей. Следствием всех этих событий стало крайнее оскудение оставшегося на свободе православного епископата. В итоге в конце 1926 г. для временного исполнения обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя не нашлось более видного архиерея, чем викарий Ярославской епархии архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).

Архиепископ Серафим был родом из города Миргорода Полтавской губернии и являлся потомком гетмана Ивана Самойловича, предшественника Мазепы. Его церковное служение по окончании Полтавской духовной семина-

²⁰ [Пискановский Н., свящ.] Интервью с митрополитом Агафангелом. 2005. Вып. 1. С. 114–115.

²¹ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 74–75 об.

рии, правда, проходило вдали от Украины (сначала в Алеутской епархии, затем в Ярославской). Тем не менее, со времени петровского Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Стефана (Яворского) архиепископ Серафим (Самойлович) стал первым украинцем, вставшим во главе управления Русской Православной Церкви. Правление его, правда, продолжалось недолго — ровно сто дней, причем свои обязанности архиепископу Серафиму пришлось исполнять в крайне стесненных из-за противодействия ОГПУ условиях²².

В показаниях Г. А. Косткевича об этом моменте было сказано так: «В декабре 1926 г. я получил от [епископа Екатеринославского Макария] Кармазина известие об аресте и [митрополита Сергия] Страгородского в Нижнем и передаче им дел управления Самойловичу (арх[иепископу] Угличскому). Так как в связи со всеми этими арестами всесоюзный центр организации, очевидно, перестал существовать, а всеукраинский, хотя и крайне ослабленный, все-таки существовал, он послал в Углич к Самойловичу своего курьера Пискановского, дабы выяснить настроение и по мере возможности отстаивать прежнюю линию организации в церковной политике и наладить связь с новым Высшим Церковным Управлением. Когда ездил Пискановский в г. Углич, я точно не помню, знаю лишь, что привез он успокоительные для организации сведения о будущей политике Самойловича, а также его послание, предоставляющее широкие права самоуправления на местах»²³.

В апреле 1927 г., после трех с половиной месяцев пребывания в заключении, митрополит Сергий был освобожден и вновь принял обязанности Заместителя Местоблюстителя (архиепископ Серафим их тогда с готовностью передал). Это событие оказалось своего рода рубежом в новейшей истории Русской Православной Церкви, разведшим затем по разные стороны недавних единомышленников. Условием освобождения митрополита Сергия было существенное изменение направления политики Московской Патриархии в сторону ее согласования с требованиями ОГПУ. Благодаря этому митрополиту Сергию в мае того же года удалось получить частичную легализацию возглавляемого им высшего церковного управления в лице новообразованного Временного Патриаршего Священного Синода. В этом Синоде украинский епископат был представлен, прежде всего, епископом Сумским Константином (Дьяковым), в ноябре 1927 г. занявшим в сане архиепископа Харьковскую кафедру. С декабря 1927 г. под синодальными актами эпизодически стала появляться и подпись вернувшегося из ссылки Экзарха Украины митрополита Михаила, утвержденного, наконец, на Киевской кафедре. Постоянным членом Временного Синода с лета 1927 г. был архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), переведенный весной 1928 г. на Одесскую кафедру. Участие этой группы украинских архиереев в работе высшего церковного управления стало более регулярным, но приобрело формализован-

²² См. : Мазырин А., свящ. Сто дней Русской Православной Церкви под управлением Ярославского викария: К 80-летию со времени пребывания в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя священномученика архиепископа Серафима (Самойловича) // <http://www.sedmitza.ru/index.html?did=41717>.

²³ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 82–82 об.

ный характер. Степень независимости Синода от власти, мягко говоря, не была высокой.

Новая политика митрополита Сергия, ассоциируемая обычно с его декларацией от 29 июля 1927 г., вызвала весьма острую полемику в Церкви, обернувшуюся затем и разделениями в ее рядах. Одним из первых против действий Заместителя Местоблюстителя и его Синода выступил все тот же епископ Василий (Зеленцов). Заключение с конца 1926 г. в Соловецком лагере особого назначения, священномученик Василий не мог, конечно, в полной мере проявить свою активность. Однако и в условиях лагерного заключения он осенью 1927 г. смог составить и отправить на большую землю два важных документа: «Открытое письмо с Соловков Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию по поводу его Послания от 16/29 июля 1927 г.» и «Необходимые канонические поправки к посланию митрополита Сергия и его Священного Синода от 16/29 июля 1927 г.». Главная мысль первого документа заключалась в том, что «Церковь не может взять на Себя перед Государством (какова бы ни была в последнем форма правления) обязательства считать “все радости и успехи Государства — Своими радостями и успехами, а все неудачи — Своими неудачами”»²⁴. «Открытое письмо с Соловков», возможно, до некоторой степени было коллективным, но митрополит Сергей в декабре 1927 г. заявил делегации петроградского духовенства и мирян, что «это воззвание написал один человек (Зеленцов)»²⁵. «Необходимые канонические поправки...» развивали положения «Открытого письма» и строились на утверждении, что Поместный Собор 15 августа 1918 г. прекратил общеобязательную церковную политику «соборным своим постановлением о том, чтобы впредь никого из членов Православной Церкви не привлекать к общественному церковному суду и наказанию за политические действия, именно как за политические»²⁶.

В конце 1927 г. епископ Василий был выслан из Соловецкого лагеря «в порядке его разгрузки» в Братский район Иркутской области, где продолжил написание антисергиевских полемических произведений. Так, им был написан довольно большой (порядка ста страниц) труд «В чем состоит верность Христу в церковной жизни» или «Исповедание верности Христу». «В основном я писал там о неканоничности действий м[итрополита] Сергия и его Синода, в некоторых случаях касался и безбожников, — показал епископ Василий на допросе в декабре 1929 г.²⁷ Также епископ Василий написал в иркутской ссылке обращение к самому митрополиту Сергию, в котором, как он показал на допросе, «указывал, что он (Заместитель Местоблюстителя — *святц. А. М.*) не сохранил чистоту православных принципов и идей в своей декларации от 16/29/VII 1927 г.» «С декларацией Сергия, — пояснял епископ Василий, — я не согласен по ряду моментов содержания ее, в частности не согласен и с тем, что советская власть есть от бога (так в протоколе — *святц. А. М.*), тогда как она уничтожает все, что

²⁴ ГА РФ. Ф. Р–5919. Оп. 1. Д. 1. С. 53–54.

²⁵ Акты... С. 536.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р–5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

²⁷ Архив УФСБ РФ по Иркутской обл. Д. 15165. Л. 12 об.

есть божьего на земле»²⁸. Через своих полтавских знакомых Прилукский епископ смог пустить свои произведения в ход. «Мой подарок тете Моте в Москву передан ей 31 октября [1929 г.]», — писал он духовной дочери в письме, изъятом у него при обыске. «“Тетья Мотя”», — пояснил затем епископ Василий следователю, — это условное обозначение митрополита Сергия, а “подарок” — мой отправленный ему документ»²⁹.

Сами иркутские документы епископа Василия до церковных историков не дошли. Они, однако, довольно быстро попали в руки ОГПУ, что и послужило причиной его ареста в декабре 1929 г. Некоторые цитаты из «Исповедания верности Христу» приводятся в обвинительном заключении по делу епископа Василия. «Церковь, — гласило обвинительное заключение, — Василий Зеленцов определяет как политическую и монархическую партии. “Церковь в борьбе, которую ведет, утверждая свет Христов, обязана сражаться до крови. Сражение кровавое за Христов свет Христова церковь под водительством Христа совершает двояко: мученичеством и военным оружием”»³⁰. Хотя епископ Василий не писал, что это оружие должно быть направлено против существующей власти (иначе это было бы обязательно отмечено в заключении), он был обвинен в проповеди «террора в отношении Соввласти» и приговорен к расстрелу. Такой приговор, как кажется, не выносился епископу Русской Церкви со времени казни митрополита Вениамина Петроградского в 1922 г. Так богоборческая власть по-своему отметила особую активность священномученика Василия в церковных делах. Расстрелян он был 7 февраля 1930 г. в Москве.

В 1928–1929 гг. свое несогласие с политикой митрополита Сергия в той или иной форме выразили и некоторые другие украинские архиереи: братья-архиепископы Черниговский Пахомий и Житомирский Аверкий (Кедровы)³¹, архиепископ Херсонский Прокопий (Титов) и епископ Винницкий Амвросий (Полянский)³². Большое значение имел уход в антисергиевскую оппозицию архиепископа Серафима (Самойловича). С недоуменными вопросами к митрополиту Сергию архиепископ Серафим обратился уже вскоре после выхода в свет июльской декларации 1927 г. Затем, в феврале 1928 г., он вместе с другими архиереями Ярославской епархии подписал заявление об отходе от Заместителя, за что был выслан в Могилевскую губернию. Наконец, в январе 1929 г., архиепископ Серафим обратился с «Посланием ко всей Церкви», в котором призывал не

²⁸ Архив УФСБ РФ по Иркутской обл. Д. 15165. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Л. 13.

³⁰ Там же. Л. 14–15.

³¹ См. : Послание братьев-архиепископов Пахомия и Аверкия (Кедровых) об отношении к политике митрополита Сергия (Страгородского) / Публ. и вступит. ст. иер. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 4 (25). С. 137–168.

³² О протесте, отправленном архиепископом Прокопием и епископом Амвросием митрополиту Сергию, содержится упоминание, в частности, в письме епископа Дамаскина (Цедрика) архиепископу Николаю (Добронравову) от мая 1929 г. (см. : «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...»: Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ., предисл. и примеч. О. В. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 369). Сам текст обращения преосвященных Прокопия и Амвросия, однако, на данный момент не выявлен.

подчиняться Заместителю и писал: «[...] митр[ополит] Сергей, увлекающий ныне малодушных и немощных братьев наших в новообновленчество, нашего доверия не оправдал. Это и понуждает нас, причастных к получению митр[ополитом] Сергием прав Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, выступить на защиту попираемой им и иными прочими Истины Христовой и внутренней свободы Церкви Православной»³³. За это послание архиепископ Серафим в марте 1929 г. был арестован и затем на три года отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

Весьма важную, хотя и не бросающуюся в глаза роль в жизни Церкви в 1929 г. сыграл викарий Черниговской епархии епископ Глуховский Дамаскин (Цедрик). Отбыв по делу митрополита Петра три года ссылки, епископ Дамаскин в начале 1929 г. вернулся в свою епархию (точнее, в переданный из Черниговской губернии в Брянскую город Стародуб). Оттуда в течение 1929 г. епископ Дамаскин дважды обращался с письмами к митрополиту Сергию с призывами отказаться от взятого тем курса. Главное же, что удалось тогда сделать святителю Дамаскину, — организовать две поездки гонцов к ссылкеному Патриаршему Местоблюстителю с пакетами документов, характеризовавших положение церковных дел (среди них: акты митрополита Сергия и его сторонников, критические отзывы оппонентов Заместителя по поводу его действий, полемическая переписка, различные воззвания и т. д.)³⁴. Митрополит Петр в то время с лета 1927 г. находился в приполярном поселке Хэ в Обской губе и практически не имел связей с внешним миром. Затея епископа Дамаскина возымела успех (ОГПУ в тот момент оказалось не «на высоте»). Доставленные с большим риском посыльными Глуховского епископа документы произвели на Местоблюстителя большое впечатление, в результате чего он в декабре 1929 г. обратился к митрополиту Сергию с письмом, в котором призывал его «исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в униженное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию ее предстоятелей»³⁵.

Результатом инициированного, в значительной степени, епископом Дамаскином обращения Патриаршего Местоблюстителя к своему заместителю стало не изменение политики митрополита Сергия, а новый арест митрополита Петра в августе 1930 г. (сам епископ Дамаскин был арестован еще раньше — в ноябре 1929 г. — и был затем отправлен на Соловки). В подготовленной вскоре после этого сводке Секретного отдела ОГПУ «об антисоветской деятельности политических партий и церковников за время с 20 августа по 1 сентября 1930 г.» было сказано: «Вокруг административно высланного митрополита Петра Полянского, проживающего на Урале, образовалась группировка. Наиболее влиятельны в группировке черносотенцы: архиепископ Амвросий Полянский и профессор-церковник Попов. Последние (оба) отбывают ссылку после заключения в концлагере. Под их влиянием митрополит Петр решил потребовать от своего

³³ Косик О. В. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года // Богословский сборник. 2003. Вып. 11. С. 329.

³⁴ Подробнее см.: Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М., 2009. С. 135–151.

³⁵ Акты... С. 681.

заместителя, митрополита Сергия, отчет о политической деятельности последнего, ставя ему в вину “согласательскую” по отношению к советской власти политику. Подготавливалось увольнение Сергия, взамен которого намечался целый список кандидатов (на случай ареста кого-либо из них). Приняты меры к ликвидации группировки. Митрополит Петр переводится в изолятор»³⁶.

Примечательно, что, согласно этому сообщению ОГПУ, наибольшее влияние в той ситуации на митрополита Петра оказал еще один украинский архиерей — епископ Винницкий Амвросий (для пушей важности, названный в сводке архиепископом). Есть, однако, основания считать, что роль епископа Амвросия в этом деле была преувеличена. Это видно из дальнейших действий самого ОГПУ. Как «наиболее влиятельного в группировке черносотенца», его бы следовало немедленно арестовать, но это произошло только в июле 1931 г. При этом ни в протоколе допроса епископа Амвросия, ни в обвинительном заключении о его контактах с митрополитом Петром ничего не говорилось³⁷. Вместе с епископом Амвросием был арестован идейно близкий ему архиепископ Херсонский Прокопий (Титов). Вообще пути этих двух украинских иерархов в то время были переплетены весьма тесно. В ноябре 1925 г. они оба были арестованы по делу митрополита Петра, оба по этому делу получили по три года заключения в концлагере, вместе затем отбывали срок на Соловках, после чего оба были высланы на тобольский север, где оказались относительно недалеко от места ссылки митрополита Петра. Незначительная переписка между ними и Местоблюстителем была. На это указывал в своем письме митрополиту Сергию митрополит Петр. «Не скрою, — писал о своих соседях-архипастырях Местоблюститель Заместителю в феврале 1930 г., — что как только они прибыли в Обдорск, почтили меня общим письмом; но последнее состояло исключительно из одних приветствий. Затем, около уже года, ничего о них не слышу»³⁸. То же самое подтвердил во время допроса в июле 1931 г. и архиепископ Прокопий: «Переписка с митрополитом Петром, который отбывал ссылку в Хэ, у меня была, но она носила узкий характер — только празднично-поздравительный, где вопросов о внутрицерковном состоянии мы не касались»³⁹. Есть все основания полагать, что гораздо большее, чем преосвященные Амвросий и Прокопий, воздействие на Местоблюстителя оказал через своих гонцов епископ Дамаскин. Сообщать, однако, об организованной им миссии в предназначенной для высшего партийно-советского руководства сводке ОГПУ не могло, поскольку первоначально эту миссию пропустило. Поэтому на первый план и был выставлен «черносотенный архиепископ» Амвросий.

Как бы то ни было, после ареста 1930 г. Патриарший Местоблюститель был полностью изолирован (содержался, вплоть до своего расстрела в 1937 г. в одиночных камерах сначала Свердловской, а затем Верхнеуральской тюрем). Как-либо повлиять на него, а через него на ход церковных дел вообще, уже никто не

³⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) М., 2008. Т. 8: 1930 г. Ч. 2. С. 1426.

³⁷ См.: Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 2612. Л. 22–25 об., 66–70.

³⁸ Акты... С. 692.

³⁹ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 2612. Л. 28 об.

мог. Между тем в 1933–1934 гг. сложились способствовавшие активизации церковной оппозиции обстоятельства: целый ряд несогласных с политикой митрополита Сергия епископов, подвергшихся репрессиям на рубеже 1920–1930-х гг., по отбытии полученных тогда сроков (в то время, как правило, трехлетних) оказались либо на свободе, либо в относительно доступных местах ссылки. Среди них был и ряд украинских архиереев, официально уже уволенных со своих кафедр, таких как епископы бывший Екатеринославский (Днепропетровский) Макарий (Кармазин), бывший Ананьевский, vikарий Херсонской епархии, Парфений (Брянских), бывший Сквирский Афанасий (Молчановский) и все тот же бывший Глуховский епископ Дамаскин (Цедрик). Под довольно мягким надзором отбывал ссылку в Архангельске вернувшийся из Соловецкого лагеря архиепископ Серафим (Самойлович). В условиях, когда другие видные деятели антисергианской оппозиции были либо изолированы, либо не желали активно выступать, потомок казачьего гетмана архиепископ Серафим решил возглавить церковное сопротивление и подготовил в декабре 1933 г. проект Деяния, которым митрополит Сергей объявлялся лишенным молитвенного общения со всеми православными епископами Русской Церкви и предавался церковному суду с запрещением в священнослужении⁴⁰. После этого архиепископ Серафим попытался осуществить ряд назначений на кафедры епископов, близких ему по духу.

Одним из таких епископов (в документах ОГПУ–НКВД их позиция обозначалась как «платформа “Истинно-православной церкви — ИПЦ”») был епископ Макарий (Кармазин). Арестованный в сентябре 1934 г., епископ Макарий затем показал: «Принятие руководства нелегальными епархиями “Истинно-православной церкви” и отдельными группами я (Кармазин) Макарий получил в мае м[еся]це 1934 года от епископа Серафима (Самойловича) через священника Пискановского (того самого, который в 1926 г. ездил от украинских епископов к митрополитам Сергию и Агафангелу. — *свящ. А. М.*), отбывающего ссылку в г. Архангельске. В письменном указе Серафим (Самойлович), несмотря на то, что он находился в ссылке, рассматривая себя как Заместителя Патриаршего местоблюстителя, предлагал принять Днепропетровскую епархию, которой я управлял до своего ареста 1927 года»⁴¹. «Наша “Истинно-православная церковь”, — показал на другом допросе епископ Макарий, — возглавляется в настоящее время архиепископом Серафимом Угличским, митрополитом Казанским Кириллом, мною — епископом Кармазиным, епископом Дамаскиным, б[ывшим] Глуховским Черниговской епархии, епископом Парфением (Брянских), проживающим в г. Кимры М[осковской] о[бласти], епископом Иосифом (правильно — Иоасафом. — *свящ. А. М.*) Жеваховым, епископом Афанасием Молчановским, б[ывшим] Сквирским Киевской епархии, и протоиереем Пискановским Николаем Акимовичем»⁴².

В действительности, вопреки рисуемой в показаниях епископа Макария картине (нужно понимать, что эти показания следователь записывал в удобном себе

⁴⁰ См. : Деяние нового священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь. 1999. № 9. С. 7.

⁴¹ Архив УФСБ РФ по Костромской обл. Д. 6179—С. Т. 1. Л. 13.

⁴² Там же. Л. 25 об. — 26.

ключе), оппозиция митрополиту Сергию не носила характера организации. Попытки архиепископа Серафима бороться с митрополитом Сергием организационными мерами особого сочувствия не встретили. Так, епископ Дамаскин (сам отнюдь не пассивный иерарх) писал ему в апреле 1934 г.: «Что же можем сделать мы при настоящих условиях? Добиваться удаления митрополита Сергия? Поздно, да и бесполезно. Уйдет митрополит Сергей — остается сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Св. Церкви ради сохранения внешнего декорума и личного благополучия, которое необходимо является в результате так называемой легализации. <...> Нечего нам мечтать и стремиться к кафедрам, — каждый из нас уже сделал свое. Мы теперь “Самим Богом потушенные свечи” <...>. Внешнее наше противостояние царству зла может выразиться разве в том, что мы имеющимися еще в нашем распоряжении средствами будем утверждать, подкреплять вместе с нами предстоящих суду меньших братьев наших единых с нами по духу, уясняя им путь наш, как правильный и со стороны канонической, как благословенный предстоятелем Росс[ийской] Правосл[авной] Церкви, который из своего заточения поручил передать одному из собратий наших: “Скажите Вл[ады]ке Х, что если он с м[итрополитом] С[ергием], то у меня нет с ним ничего общего”»⁴³.

В подкрепление своих слов о митрополите Петре епископ Дамаскин показывал раздобытые им письма Местоблюстителя Заместителю. Одним из тех, кому он давал их читать, был проживавший на покое в Киеве почитаемый старец-схиархиепископ Антоний (Абашидзе). Об этом сам епископ Дамаскин (Щедрик) показал на допросе в ноябре 1934 г.: «В начале апреля с. г., будучи в Киеве, я посетил Антония Абашидзе и дал ему для прочтения копию письма митр[ополита] Петра Крутицкого к митр[ополиту] Сергию Нижегородскому»⁴⁴. Письмо Местоблюстителя епископ Дамаскин цитировал и архиепископу Серафиму, хотя весьма осторожно: «Нередко мне приходилось слышать, даже от самих сергиан, недоумение по поводу молчания Патриаршего Местоблюстителя в такой критический момент церковного недоумения. Говорят: “Почему же митрополит Петр не выскажет своего авторитетного суждения по поводу происходящей церковной разрухи, хотя даже рискуя еще более потерпеть за это? Ведь интересы Церкви должны быть для него дороже жизни?”

А что, если митрополит Петр такое слово свое уже сказал, но его приказчик, присвоивший себе права большие, чем были у самого хозяина, не слушает его? Что, если будет с очевидностью доказано, что со стороны митрополита Петра дважды было послано митрополиту Сергию распоряжение (хотя бы и без исходящего №) прекратить его узурпацию власти, “исправить допущенную ошибку... устранить и прочие мероприятия, превысившие его полномочия”. Как к сему отнесутся все “малодушные”, все неискренние сергиане, вся масса обманутых верующих?»⁴⁵ Распространять широко важнейшее письмо Местоблюстителя

⁴³ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...»: Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ., предисл. и примеч. О. В. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 461, 463–464.

⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31265. Л. 23 об.

⁴⁵ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...» // Богословский сборник. Вып. 10. С. 458.

1929 г. епископ Дамаскин не стал, видимо, опасаясь дать власти повод окончательно расправиться с заключенным митрополитом Петром, а кроме того, возможно, и потому, что такой сильнейший аргумент (по сути дела, доказательство канонической несостоятельности митрополита Сергия) нельзя было выдвигать с легкостью: последствия для Церкви («всей массы обманутых верующих») могли быть очень серьезные.

Во второй половине 1934 г. новая волна репрессий вновь сбила активность церковной оппозиции, были арестованы практически все, кого епископ Макарий причислил к руководителям «ИПЦ», и многие другие. Тяжелое время наступало и для сторонников митрополита Сергия. В мае 1935 г. по требованию власти был упразднен Временный Патриарший Синод, была начата тотальная ликвидация организованных церковных структур. Приближенные к митрополиту Сергию архиереи в качестве едва ли не главной меры противодействия разрушению Церкви в такой ситуации стали видеть повышение статуса самого Заместителя. Особую активность в этом направлении проявлял бывший постоянный член распущенного Синода Экзарх Украины (с 1929 г.) митрополит (с 1932 г.) Киевский (с 1934 г.) Константин (Дьяков). Управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Александр Лебедев, арестованный весной 1937 г., показал на допросе: «Митрополит Сергей Страгородский выразил свое живейшее согласие с митрополитами ленинградским Алексием Симанским и киевским Константином Дьяковым, выдвинувшими вопрос о том, чтобы провозгласить его патриархом всей православной церкви. Этот вопрос был выдвинут упомянутыми митрополитами 2 мая 1935 года на совещании руководителей церкви с участием митрополита Сергия»⁴⁶.

Тема провозглашения митрополита Сергия Патриархом, как можно понять из показаний близких ему лиц, данных на следствии в 1937 г., поднималась его окружением многократно, и всякий раз наибольшее усердие в этом отмечалось со стороны митрополита Константина Киевского. Так, проходивший по одному делу с протоиереем Александром Лебедевым vicарий митрополита Сергия епископ Иоанн (Широков) показал в июле 1937 г.: «В феврале 1936 года у митрополита Сергия Страгородского состоялось нелегальное совещание, на котором присутствовали: [митрополит Алексей] Симанский, [митрополит Константин] Дьяков, Лебедев, Аксенов, я, епископ Жевахов (б. князь) (между прочим, тот самый, который в показаниях епископа Макария фигурировал в числе руководителей «Истинно-православной церкви». — *свящ. А. М.*), епископ [Борис] Шипулин, митрополит Серафим Александров, священник Хотовицкий и другие. На этом совещании Дьяковым был возбужден вопрос о необходимости провозглашения митрополита Сергия Страгородского патриархом православной церкви. В данном случае Дьяков выразил наше общее мнение, т. к. мы понимали, что избрание патриарха может положить конец церковным распрям и создаст возможность для широкой работы по объединению вокруг Страгородского всех церковных течений»⁴⁷. Упомянутый здесь среди прочих Л. Д. Аксенов (один из самых заметных в церковной жизни того времени мирян, член Поместного Со-

⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49429. Л. 27–28. Подчеркнуто в протоколе.

⁴⁷ Там же. Л. 208–209.

бора 1917–1918 гг.) на вопрос следователя о том, как обсуждался «вопрос о присвоении митрополиту Сергию Страгородскому звания патриарха», ответил, что «8–9 марта 1936 г. на собрании по случаю юбилея митрополита Сергия Страгородского этот вопрос возник в форме тоста, произнесенного киевским митрополитом Константином Дьяковым, выразившим пожелание, чтобы Страгородский был патриархом»⁴⁸.

Разговоры о необходимости провозглашения митрополита Сергия Патриархом продолжались и в 1937 г., опять же, в значительной степени, благодаря Киевскому митрополиту. Протоиерей Александр Лебедев, показав, что в мае 1935 года митрополитом Константином был выдвинут вопрос о патриаршестве, далее продолжил: «Вторично этот вопрос в наиболее определенной форме был поднят на совещании руководителей церкви 24-го января 1937 г., причем руководитель украинской церкви, упомянутый выше, митрополит Константин Дьяков заявил, что осуществление этого мероприятия является боевой задачей всех нас»⁴⁹. На другом допросе, в мае 1937 г., протоиерей Александр добавил по поводу инициативы Экзарха Украины: «Митрополит украинский Константин Дьяков на нелегальном совещании у Страгородского, состоявшемся в январе месяце 1937 года, заявил, что он примет меры к использованию Управления Государственной Безопасности НКВД Украины для того, чтобы, как он выразился, “провернуть вопрос о выборе Страгородского патриархом”»⁵⁰.

Решить с помощью УГБ НКВД Украины вопрос о Московском Патриархе Киевскому митрополиту, однако, не удалось. В октябре 1937 г. митрополит Константин этим самым Управлением Госбезопасности был арестован и через две недели забит насмерть во время допроса⁵¹. «Большой террор» 1937–1938 гг. не обошел стороной ни одного украинского епископа, как из числа противников митрополита Сергия, так и из числа его сторонников. (Исключение составил только схииерарх Антоний (Абашидзе), которого, по легенде, приказал не трогать сам Сталин-Джугашвили, помнивший его по своей семинаристской юности.) Мученический подвиг объединил их всех, несмотря на острые разногласия, спровоцированные в 1927 г. навязанной ОГПУ политикой Заместителя Местоблюстителя. Сейчас уже почти все столь по-разному проявившие себя в 1920–1930-е гг. украинские иерархи, о которых шла речь в предложенной статье, причислены к лику святых.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, высшее церковное управление, украинские архиереи, следственные дела.

⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–49429. Л. 126.

⁴⁹ Там же. Л. 29.

⁵⁰ Там же. Л. 79–80.

⁵¹ См. : *Доненко Н., прот.* Наследники Царства. Ч. 2. Симферополь, 2004. С. 308–324.

THE PARTICIPATION OF UKRAINIAN BISHOPS
IN THE HIGHER ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH IN THE 1925–1937

PRIEST ALEXANDER MAZYRIN

The author investigates the various (mainly illegal) manifestations of the Ukrainian senior bishops' participation in the senior church administration under Patriarch's Locum Tenens Peter (Polyanskiy) and his deputies — metropolitan Sergey (Stragorodskiy) and archbishop Seraphim (Samoylovich). The material of the article demonstrates the high involvement of Ukrainian archbishops in a general church business. Sometimes they played the decisive role in developments.

Keywords: the Russian Orthodox Church, the senior church administration, Ukrainian archbishops, investigatory causes.